

ИННА
БОРИСОВА

ДРЕВЕРЬ
НЕ

РИПОД
КЛАССИК

Москва
2026

Про Толик

ы потерялся?

Толику Лебедеву уже шесть с половиной, и он считает, что он достаточно взрослый, чтоб ходить в соседний двор, пока бабушка занята разговорами на лавочке. В соседнем дворе играют дети постарше, и наблюдать за ними интереснее. Настоящий футбол, как в Ленинграде! В Ленинграде каждый уважающий себя мальчик должен уметь играть в футбол. Толик задирает голову, щурит светлые глаза на незнакомку.

— Вы тоже потерялись? — Ему очень хочется казаться взрослее, чем он есть.

— Может быть. Пойдем, я тебя к бабе Шуре отведу. — Незнакомка протягивает ему руку. Толик смотрит на нее с подозрением.

Инна Борисова

— Мама говорила, что нельзя с незнакомыми ходить. Как вас зовут? — Он выпячивает губы, хмурит жидкие светлые брови.

— Эмаг. А тебя как?

— Мама говорила не говорить незнакомцам своего имени. — Толик чувствует себя очень умным. Все сделал, как мама сказала, его не проведешь.

— Хорошая у тебя мама. — Она присаживается, мальчик аж рот открывает. Какая красивая! — А что сделать, чтоб ты пошел?

Толик тянет вперед руку, хватает густые волосы и держит за них, пытаясь вытащить из косы тополиный пух, но Эмаг лишь тихо смеется.

— Хочу сказку. Но для взрослых, мне скоро в школу.

Женщина задумывается.

— Тогда обещаешь, что пойдешь к бабушке?

Толик кивает с очень важным видом:

— Обещаю.

Эмаг стряхивает пыль с его маленькой маечки, платком вытирает лицо. Все правильно, чтоб баба Шура была довольна.

— Жил давным-давно один мужчина, и звали его Ижанд. Был он страшно охоч до власти, а потому жену свою разорвал на куски и раскидал по лесу, чтоб не мешалась. Но жена у него непростая была. Была она матерью всех мертвых. — Эмаг переходит на шепот, Толик распахивает глаза, прикрыв рот ладонью. Вот это да! Вот это сказка! Мальчишки обзавидуются. — И каждая капля ее крови, что пролилась, расцветает чудесными плодами там, под землей, где мертвые живут. Представляешь?

Верь / не верь

Толик представляет. Воображение ему очень живо рисует картинку.

— А что с ней стало дальше? — он шепчет в восторге.

— Говорят, теперь она бродит по земле и ищет себе нового мужа, чтоб после смерти с ним воссоединиться, только умереть не может, пока все кровавые плоды не соберут ее дети. — Эмаг ему очень ласково улыбается.

Толик задумывается. Бабушка как-то сказала про него, что жених растет.

— Я бы стал ее мужем, если она такая же красивая, как вы. — Толик искренне считает, что после такой истории он точно станет королем двора, когда вернется от бабушки обратно в Ленинград.

— А не пожалеешь о своих словах? — Эмаг хитро щурится.

— Не-а. Вы красивая. Вот я вырасту и всех победю, и дядьку этого кровожадного! — Толик выпячивает грудь колесом, чтоб показать, какой он смелый.

— При жизни можешь на ком-то другом жениться. Но после смерти — на мне. Договорились? Бабушке не скажешь?

Толик жует губы, раздумывая.

— Договорились!

— Тогда я тебя подожду.

где ты был на
самом деле?

привет.

Извини, что не позвонил, но тебе, наверное, уже доложили. Я теперь в армии и надеюсь, что не дам дуба за эти два года. Если тебе интересно, как так получилось, одно слово: майор. Это была спланированная подстава, так что радуйся: я признаю, что был не прав. Ты говорил, что красным верить нельзя. Алина не в счет, само собой. Лучше расскажи мне, что там в городе происходит, тут каждый день как предыдущий.

Гриша, 10.12.1990

Все изменилось за два года. Кроме здания вокзала, оно как было на реставрации завешано строительными сетками, так и осталось. Толпа рвется на выход, Гриша оглядывает станцию в надежде, что кто-то приехал его встречать.

Верь / не верь

Кому бы, с другой стороны? Только Володька был в курсе времени возвращения, святоша проклятый. У него лицо было такое смешное, немного щекастое, рябое от не прошедших тогда подростковых прыщей, речи про Господа через слово. Провожал его тут же, на перроне, чихал от холода и храбрился, обещал молиться каждый день. Советскому человеку должно быть это чуждо. Но какие уж они теперь советские люди. Так, россияне.

Бог. Слово такое странное. Гриша бы все же поостерегся писать его с большой буквы. Мало ли, черти обидятся.

Володя обнаруживается на другой стороне платформы, поезд пронзительно сигналист и медленно трогается с места. Вроде цикл завершился, и не изменилось ничего, а на самом деле механика реальности перестала работать как прежде. У Володи теперь очень серьезное лицо, эдакий поп с советских карикатур: с хлипкой бородачкой, скуластым лицом и удивленными глазами. Гриша машет ему, болезненно искривив губы. Так и рвется гадкий комментарий, но нужно быть благодарным, что хоть кто-то пришел.

Черносвитов писал ему очень многословные письма. О том, что Союз рухнул, о том, что церковь восстанавливают с отцом. Да много о чем. Девочку бы лучше себе нашел, а не иконы лобызал. Очень красочно Володя выражал обеспокоенность ментальным спокойствием Гриши, переживал, что в их возрасте смерть видеть нельзя. Ну, ему хорошо говорить, его-то папаша отмазал. Он писал, что армия ломает людей, а если не ломает, то превращает в скорбящих на пьяную лавочку, замкнутых в себе и покалеченных навсегда. Может, и не ошибается, Гриша не знает. Он подходит ближе, не зная, как себя вести. Обнять? Но прикосновения кажутся

Инна Борисова

неуместными. Пожать руку? Может, просто кивнуть? Черносивов берет инициативу, крепко обнимая.

— Я так рад тебя видеть. — Улыбается тепло. У него улыбка выдавшего жизнь старика, какая-то особенная, такой хочется верить, но больше не понимает. Теперь вообще все кажется пластиковым и ненастоящим, тронешь, и мир пойдет рябью, а ты снова проснешься в горячей точке. — Поехали, я тебе церковь покажу. Автобус нормальный пустили, представляешь? Теперь можно по два часа не ждать. Добрейший Андрей Павлович пожертвовал на купола, вот, поставим скоро, уже заказали. И иконостас тоже делают.

Гриша кивает. Раньше он ходил с Володи́ей на сходки верующих, но так ничего и не понял. Библия была одна, переписанная вручную, передавалась на ночь от одного к другому. Очередь до него не дошла, чему он был крайне рад, а потом все стало легальным.

— А Евангелие купили? — задает вопрос невпопад, переминается с ноги на ногу. Чувствует себя очень неуютно, как будто камуфляж выбивает его из общей композиции вокзала. Черносивов кивает. Очень уж повзрослел, непривычно. Гриша, наверное, тоже, но Гриша на себя и не смотрел толком, зеркала не выдавали вместе с винтовкой. Мельком только взгляделся пару раз в мутном, заплеванном зеркальце вагонного сортира и махнул рукой — дома успеет налюбоваться. Володя поджимает губы, растягивая их в улыбку, и снова как-то неловко обнимает, похлопав по плечу. Это типа их в церкви так науськивают на доброту и любовь к ближнему? Гриша непроизвольно дергается. Не надо. Володя пожимает плечами и разворачивается, по-детски перепрыгивая со ступеньки на ступеньку, чуть не подвернув

хороши, маняще

сметно

Верь / не верь

ногу на выбоине. В подрыснике это кажется совсем уж каким-то абсурдом. Как он, такой добродетельный, умудряется жить и радоваться, пока там, далеко, умирают люди? Как люди вообще могут существовать, не замечая этого?

— Аккуратнее. — Гриша хмурится. Вокзал тут совсем небольшой, больше номинальный из-за реставрации, они обходят его и пролезают в разорванную сетку-рабицу, топают вглубь города.

Тихвин. Вечером в декабре тут совсем темно, недавно как раз самый короткий день был, Бог точно забыл об этом месте, а может, даже не в курсе, что оно есть. Черносвитов вон уверен, что это не так, но кто его, блаженного, слушает в своем уме? Кобальтово-синяя вечерняя улица с яркими янтарными всполохами фонарей. Днем всего лишь очередной серый город с бетонными зубами прямоугольных хрущевки. Армейские ботинки месят грязный декабрьский снег, хорошо хоть с неба не капает. Подозрительно ясно для Ленобласти. Они добираются до автовокзала без приключений. Гриша стреляет сигарету у какого-то помятого похмельем мужика, затягивается с удовольствием. Вкус свободы.

— Так и не бросил? — Володя делает наивное лицо, а глаза хитрые-хитрые, как будто и не осуждает вовсе. Гриша мотает головой, быстро добывая до филтра.

— После махорки это, как после дерьма повидло. — Сплевывает на пол скорее по привычке, хотя никакой горечи во рту нет. Долго придется к этому привыкать. И купить себе пять кило конфет, медовик, пельменей налепить. Планов на еду в сотню раз больше, чем на жизнь.

Они грузятся в красное брюхо автобуса. Черносвитов со всеми здороваются, как будто они знакомы, невзирая на безразличие в ответ. Пропускает Гришу к окну, мол,

Инна Борисова

полюбуйся на красоты. Облезлые зимние деревья, ветер катает по площади пакет, разномастная собачья свора трется рядом с ларьком в надежде на скорую наживу.

Автобус с ревом заводится, дрожа не хуже рук бывалого пропойцы, нехотя трогается с места и медленно ползет в сторону дороги на Линдград. В стекле Гриша видит свое отражение в свете желтого глаза лампы. Темные тени под глазами, сухие тонкие губы, обветренное белое лицо, ежик едва успевших отрасти волос. Синие глаза превратились в серые. Может, от скорби?

— Чем заниматься-то планируешь? Ты же в ментовку хотел. — Жизнерадостный Черносвитов достает из сумки пухлые румяные пирожки и сует один в руки, не интересуясь даже, надо ли оно Грише. Может, и надо. Гриша крутит угощение в пальцах с каким-то недоверием, как будто там не капуста, а цианид. Неопределенно пожимает плечами, откусывает. Как это вкусно... Да, муку тоже нужно будет купить.

— Не знаю. Может, в бандиты пойду. Где еще деньги зарабатывать, не продавцом же становиться, — говорит с набитым ртом. Хватается за второй пирожок, поднося к лицу и с наслаждением нюхая. В армии за подобную роскошь что угодно готов был отдать. — В отделе же этот майор ублюдочный работает. — Лицо мрачнеет. — Стану Робин Гудом, буду красть у богатых и отдавать бедным.

— Можешь к нам в церковь пойти. — Володя снова улыбается, наблюдая, как стопка пирожков стремительно испаряется. — Работа по восстановлению, живем на пожертвования. Не шик, но на еду хватает.

Гриша морщится, как от зубной боли.

— Не, ш меня швятой не полушитя. Я ше не ты.

Верь / не верь

убавилась ли
номера? (148)

Черносвитов обводит всех присутствующих максимально одухотворенным взглядом, даже открывает рот, чтобы что-то сказать, но решает, что для одного вечера хватит мудрости.

— Володь, без обид. Я лучше что-то полезное сделаю, чем кадиллом махать. Котенка там сниму с дерева, бабку через дорогу переведу. А ты о душах заботься. Каждому свое место в мире. — Третий пирожок залетает на ура. Черносвитов кивает, ничуть не обидевшись, и достает термос. — Ты там кухню оборудовал, что ли? Знал, собака, что все сожру? Давай сюда свой чай.

Автобус чуть покачивается на повороте и медленно вползает в город. Ничем от Тихвина не отличается, кроме размеров. Все те же серые здания, замершие в снежном мареве деревья, люди в темной одежде. Но все равно два года назад было немного иначе. Расплодились ларьки, цветастые вывески на каждом доме, мирная советская жизнь закончилась. Гриша с Володей доезжают до церкви. Наполовину покрашена, пристройку отремонтировали, даже ступеньки вон мощенные сделали. Красота.

— Зайдешь? У нас просвирки остались с утренней службы, может, кагор тоже найдется.

И хочется, да только сил на это нет. Гриша мотает головой, пожимает Володьке руку.

— Не сегодня. Я сразу домой. Отоспаться хочу наконец.

Володя скрывается в церкви и тут же возвращается, вручив сигареты и зажигалку.

— Хорошо. Вот я специально тебе купил. Заходи на неделе, поможешь к Рождеству все украсить.

Гриша кивает. Опять ангелов рисовать... Из него художник не бог весть какой, конечно. Машет рукой и удаляется

Инна Борисова

в сторону центра. Ларьки натыканы на каждом шагу, в оранжевой оконной пасти — по угрюмой морде. Не могли народ поприветливее найти? Хотя это ж Линдград, тут все недовольны. Гриша с интересом тормозит у комиссионки, из которой пряткая старушонка тащит огромный железный таз. И зачем ей?..

Магазин, ларек, аптека, еще ларек, кафе. Откуда тут кафе? Не было раньше ничего. У дверей стоит парочка роскошно одетых барышень, которые вальяжно раскуривают одну сигарету на двоих. Шубы, полупрозрачные колготки, сапоги лаковые на тонкой шпильке и чуть смазанная помада. Сколько же ты пропустил, Гриша? Даже воздух пахнет как-то иначе, как будто грязью и бензином.

В одном из дворов школьники передают друг другу что-то маленькое, с такого расстояния не рассмотреть. Гриша ловит взгляд белобрысой девчонки с красными, как у матрешки, щеками, та лишь морщится, пряча руки в кармане потертой дубленки. Да понял-понял, шел бы отсюда и не совал нос не в свои дела.

Заворачивает за угол, прислоняется к пыльному боку гаража, пытаюсь пропитаться новым духом этого места. Что-то черное, липкое, как смола, с ядовитым запахом денег. Сигарета подрагивает в руках, ребята со двора воровато пробегают мимо, залетая в подъезд с уродливым рисунком желтой утки. Следом вяжется ободранный дворовый пес, твякая и подпрыгивая. Гриша не понимает, что происходит. Раньше такого не было, по вечерам в такое время года шлялись только бандитского вида личности, а теперь будто весь город не спит. Бродячие собаки, кошки, дети, просто протокольные рожи. Нужно идти дальше.

переведем
и читай
с чужб. е.р.

Которь вливается в гуду, Приша замокает.
— Найди пшавы. И узнаешь все. Найди пшавы — и спашь своих друзей. Найди пшавы, и та тебя не отдаст.
Она пропадает. Без халупка, свечения и спецэффектов: Приша моргает и оказывается в привычном асу. Мокрые штаны ховодят ноги. Пахнет весной, цветением и грядущим летом, дуревья позавененаи, выпустив маленькые еще листья, пятки шекочет мошодая трава.
И никакого аба в бошоте. Чтоб их всех... Он поднимает голову и жмурится от яркого зеленого света, ударившего по глазам. Было ли это северное сияние? Или очередные провалки травмированного разума?

Инна Борисова

— Маленькие, переливаются от преомаления света. Светятся в темноте. У тебя мало времени, скоро Паа вернется, и у нас будут бовышие пробоамы. Не обмани меня, ноид, Иид я сама в твою шкуру вазу, — посаадние саова выпавываает, зао обнажив зубы.

— Почему ты мне помогаешь?

Она пожимает паечами.

— Вот померешь с мое, так поймешь. Я не тебе помогаю. Я себе помогаю.

Приша быстро кивает, цепаясь за стова и поднимаясь, бежит прочь, туда, где асжит снет, туда, где живые. Останавиваается у камня, обернувшись. Бесовка замедра светлым пятном в темноте, смотрит всаа, будто окаменев.

— Кто такие эти они? — Сжимает кулаки. — Скажи мне. Рита мнетса, переступая с ноти на ноту, аеает нескорько шатов впредь.

— Если скажу, они нас усаышат.

— Но Пааер сказаа, что вы можете...

Она кричит раненой птицей, преодоавает расстойние в нескорько прыжков, схватив Пришу за паечи. Встряхиваает, как паастиковый манекен, ее бесаеые глаза расширяются.

— Он соага, потому что он один из них. — Каацает зубами у носа. — Он соага, потому что он всагда всем ага. Это семья аержава его в рабстве четыреста лет, он все что угодно сааает, чтобы освободиться.

Приша оторопело смотрит на нее, стараась не аышать нишний раз. Лицо аеба морщится, она отстраняется нехотя, рычит, издает нечеловеческие звуки, бовыше похожие на звериний плач.

— Но...

— Матро от я, одан теауб нас. бшаавижереп кат ыт отч, итисса и теребос ен но. — Товос Таа спокойный, уверенный. Приша разбигает товако повоину саов, но ему этого хватает, чтобы начать думать о побеге. Какой же ты крестин, какой крестин... Сам на смерть пришел.

— Бокат... Аижуасаз ен он, йопут но, одан ен. — Аевушка повывает товос. — атсийаажон, ал.

— Тачноказ и втсуп ино, иначан ота ино. Иижуасаз еса ино. ~~Атир. Рита. Так вот как тебя зовут, милая. Бовше ниче-~~ Атир. то не разобра, но интонация ему не нравится.

Приша крадётся прочь от костра, чем даьше отходит, тем меньше травы вокрут, земля по-весеннему аысест. Приша быстрее перебегает ногами, метров через сто проваива-ясь в промерзшее бовото по колено. Черт... Руками шарит вокрут, трясина не даёт выбраться рывком. Сабость такая, что он готов утонуть.

Его вытаскивают за шкирку мощным рывком, парен-инстинктивно съживается, падая на мерзлую землю. Наа ним возвышается Рита, скаля острые зубы.

— Тебе же сказали не бежать. Вспомниа, куда старуха спрятала паоваы?

Приша отрицательно мотает головой, пятась назад и упи-раясь лопатками в ствол дёрва. Она наклоняется близко, тянет руку к лицу, губы обжигает вспыхкой бови. Приша открывает рот, пытается вдохнуть воздуха, с языка срывается маевенькая птица, улетая в темноту.

— Как они выглядят? — хрипит, ошупывая разорванные черные нити. — Я найду.

Рита нервно отмаывается.